

ВЛАДИМИР ШИРЯЕВ

1949 год...

20 февраля в семье преподавателя русского языка и литературы Романовской средней школы Алтайского края Ширяева Михаила Васильевича и директора начальной школы Пушкиной Августы Степановны родился долгожданный сын, назвали его Владимиром. По словам сестры Валентины, особенно был рад отец, он был на седьмом небе. Ну ещё бы – сын родился, когда отцу было уже 40 лет, и это первый его ребёнок!

20/2 В день моего рождения исполнилось 40 лет моему отцу. Какое счастье и радость, а как мало радости было в жизни! Награждая большого ребёнка, я думаю, что мне, когда родился сын, дорогой мой Володя. Эти 40 лет я обязан ему, что долги никогда не забывает.

Из дневника Михаила Васильевича Ширяева

Валентина старше на 11 лет Володи, и кое-что помнит из детских лет. Вот она рассказывает, что очень долго ждали, когда привезут из роддома мать с малышом. А на улице страшная метель! Наконец приехали... Володю положили в люльку, которая висела посредине избы на крюке. Малыш заплакал, Валя хотела взять на руки, но ей не дали – побоялись, что уронит. Сунули ему в рот соску. Здесь Валя так эмоционально начинает рассказывать: «Володя яростно стал сосать соску, потом остановился и... к-а-к выплюнет! И всё, больше он в рот соску не взял. Понял, что это обман. И так у него пошло по жизни – если заметит обман, несправедливость – берегись...»

Родители Володи (мать, Августа Степановна, родилась 2 октября 1914 года в деревне Ивлево Ржевского района Твер-

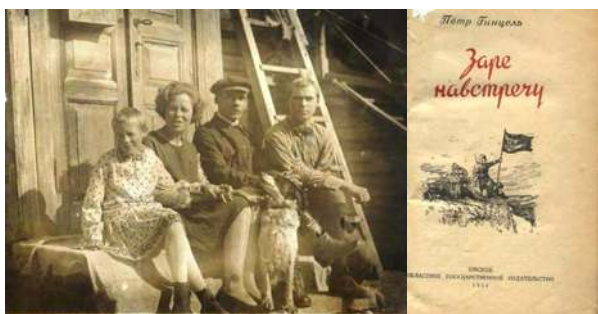
Володе полтора года

ской области; отец, Михаил Васильевич, родился в городе Белый Тверской области) познакомились в городе Сычёвка Смоленской области в 1946 году и поженились. Отец работал учителем русского языка и литературы в 8–10 классах и истории в 5–6 классах, а мать – директором начальной школы. Жили они в школе, у матери на руках был ребёнок – девочка 8 лет, – мужа офицера убили на войне в 1942 году, и они переехали из Саратовской области в разгромленный немцами город Сычёвку. А Михаил Васильевич приехал в Сычёвку из Астраханской области, где работал преподавателем школы юнг и литературным сотрудником в редакции газеты «Морской рейд». Вокзал, дома были разрушены, в городе остались только две школы, царил голод. Августе Степановне приходилось доставать продукты, в основном картофель, и школьникам готовили еду прямо в школе. В общем, условия жизни были ужасные. Дети часто подрывались на минах. Родители Михаила Васильевича, братья, сестра жили в Новосибирске, и вот они пригласили чету Ширяевых к себе. Михаил Васильевич и Августа Степановна не стали долго думать, взяли и поехали в Сибирь. Некоторое время они жили и работали в Тогучине, а потом переехали в Алтайский край, село Романово, где условия жизни были неплохие. Работали в школах. Михаила Васильевича очень любили в школе, уважали. Он организовал литературный кружок; выпускали литературную газету, ставили пьесы...

Жизнь, можно сказать, удалась, им там понравилось. Но родители звали поближе к себе. И в 1950 году Ширяевы переезжают в город Бердск. Августа Степановна устроилась работать в горно, а Михаил Васильевич – преподавателем русского языка и литературы в сельскохозяйственный техникум.

В Бердске Михаил Васильевич познакомился с писателем Петром Гинцелем (впоследствии младший брат Михаила Васильевича Андрей женился на дочери писателя), где тот работал над повестью «Заре навстречу» («П. Гинцель был одним из инициаторов Первого съезда сибирских писателей, членом Союза сибирских писателей, а в 1934 году ему был выдан членский билет Всероссийского Союза писателей за подписью М. Горького (С.Ш. и В.Ш.¹)).

Семья Гинцель: жена, сын, дочь Анна (она выйдет замуж за Андрея Ширяева).

Казалось бы, всё хорошо: работа, жильё есть, родители рядом, появился друг. Но увы, увы... Начали строить ГРЭС, город должны были затопить. И пришлось Ши-

ряевым снова трогаться в путь. Выбрали город Белово. Михаил Васильевич устроился работать в среднюю школу № 76 преподавателем русского языка и литературы, а Августа Степановна – в начальную школу № 77 завучем.

Володя рос мальчиком любознательным. В 4 года он стал читать «Сына полка». Валя рассказывает: «Смотрю, он лежит на кровати – нога на ногу, и в руках держит книгу. Я у него спрашиваю: «Что ты делаешь?» Он: «Читаю, правда, читаю пока губами, а не так, как ты – глазами. Буквы вы мне показали, а складывать я сам научился». Ну, конечно, без участия отца здесь не обошлось. Для Михаила Васильевича Володя был «свет в окошке».

1954 год. Володя с отцом.

Любимое занятие – читать книги.

1955 год. Володя с матерью.

¹ С. Ш. – Сергей Ширяев, В. Ш. – Владимир Ширяев («Огнелюб»). Творческий путь сибирского писателя Петра Васильевича Гинцеля).

А в 6 лет он пошёл в школу. Учительница стала жаловаться, что он на чтении мешает заниматься другим – ему было неинтересно, он уже знал то, что изучали другие. Вышли из положения: так как он любил читать, то ему разрешали на уроках читать книги – лишь бы не мешал другим.

Учился Володя хорошо, с 1 по 4 классы были одни отличные оценки. Память у ребёнка была феноменальная, много читал, много знал. Но в старших классах сдал – появились и четвёрочки, и троечки. Не любил математику, физику, говорил, что эти предметы ему не пригодятся. Поссорился с физиком, и тот не стал его пускать на свои уроки. Володя самостоятельно изучил предмет и потом сдал на четвёрку.

Всегда защищал девочек. Говорил: «Ты что её обижаешь? Ты меня бей, а не её». За что его прозвали «девичьим пастухом».

Был очень добрый. Валентина, сестра, вспоминает, что однажды в туалете утонула курица. Она барахталась – все стояли и смеялись. Так Володя полез доставать её, доставал и плакал. Всегда подбирал брошенных котят, щенят.

Из воспоминаний Володи в рассказе «Вся голова в шрамах» (книга «Расскажу без прикрас...»):

«В детстве мне очень часто пробивали голову.

Как-то пришла в наш двор ватага пацанов. В руках одного из них было железное ядрышко. Эти пацаны охотились на собак (сдавали их за деньги собачникам).

Тот, что с ядром, хотел убить моего Рекса. Я бросился вперёд и прикрыл собаку собой. И железное ядро тюкнуло меня по голове. Она, разумеется, оказалась пробитой.

И кирпичом мне пробивали голову, и палкой.

А однажды я забрался на крышу нашего детского сада и свалился оттуда – опять моя голова оказалась пробитой.

Разглядываю свои детские фотографии. На них я довольно часто забинтован – мир так и норовил меня покалечить.

И не только в детстве».

В пятнадцать лет Володе купили фотоаппарат, и Августа Степановна посоветовала ему записаться на курсы по обучению ремеслу фотографирования. Он сходил на курсы один раз, и всё... что-то ему не понравилось. Сам, без постороннего обучения всё освоил до тонкости. В рассказе «Юный фотограф» он всё это описал:

«Когда я учился в пятом классе, родители по моей просьбе купили мне фотоаппарат “Зоркий-5” за двадцать восемь рублей, фотоувеличитель “Юность” (двадцать рублей), фотобочок (три рубля), красный фонарь (два рубля) и книгу “Фотография, её техника и искусство”. И месяца через два я начал делать вполне приличные снимки.

Но приличными мои снимки стали лишь после того, как я убедился в тщете всех фотографических инструкций и предписаний. Вначале я руководствовался именно ими – и не получалось у меня ничего. Но когда я стал определять нужную выдержку не фотоэкспонетром, а на глазок, когда я стал покупать реактивы и фотоматериалы в «магазине уценённых товаров» – без-

надёжно просроченные и пришедшие, казалось бы, в негодность – по цене две-три копейки за комплект, – тогда фотографическое искусство стало покоряться мне.

Я снимал своих домашних, родственников, друзей – и то, что выходило из моих рук, было ничуть не хуже продукции любой беловской фотографии».

Володя с другом Толей Тупицыным

И вот что пишет Владимир в рассказе «Ремеслу нехитрому я рад»:

«...изо всего, чему я научился в детстве, юности и отрочестве, фотография помогла мне больше всего.

Многие удивляются: почему это после средней школы я сразу стал работать в беловской газете? “Наверное, у вас, у молодого, были какие-то большие литературные способности?” – спросила вчера у меня на читательской конференции одна девушка.

Чушь! Никаких литературных способностей во мне никогда не было – по крайней мере, мои школьные друзья обладали способностями не меньшими, а до талантов, например, Юрки Логунова мне было – как пешком до Индии. В газету взяли меня по одной простой причине: умел фотографировать. Пришёл я к её главному редактору Петру Козлову со своими снимками и в первый же месяц доказал, что делал их именно я, а не кто другой.

И первые два года я работал именно фотокорреспондентом. Лишь потом с большим скрипом доверили мне должность литсотрудника – литраба, в журналистском просторечии. И я был этому почему-то страшно рад, хотя зарплата у

литраба была всего на десятку больше, чем у фотокорра, а возможность писать нормальным человеческим языком сразу резко уменьшилась, ибо через месяц-другой я уже лихо ткал свои материалы из самых забубённых газетных штампов.

Признаюсь честно: очень мешала мне в жизни профессия литраба. А вот профессия фотографа – могу повторить это хоть в сотый раз – всегда здорово помогала».

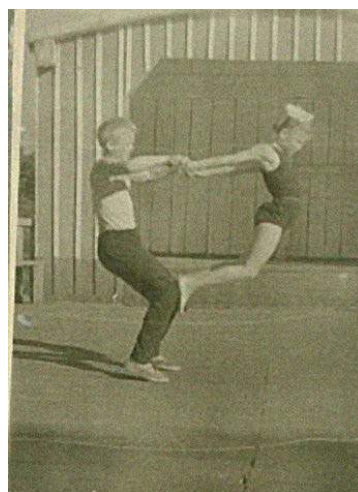
Володя много времени уделял спорту. Рано начал заниматься самбо, акробатикой и борьбой. Стихотворение «Тренер акробатического кружка» он посвятил своему тренеру:

Таким запечатлела память:
легко по залу он ходил,
и, в чёрное трико затянут,
на Гамлета он походил.

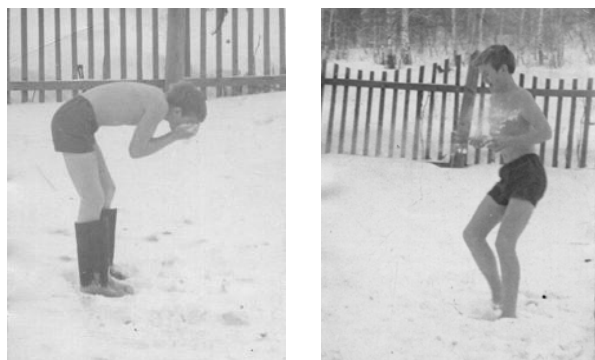
Вот только бачки – как стручки –
да лысина пунцовой розой.
Вот только круглые очки
сияли на лице курносом.

А в остальном он был, как Гамлет:
учил беде смотреть в лицо;
учил, чтоб мы не убежали
от негодяев, подлецов.

Неторопливо, деловито
учил нас истине простой:
что, если рухнет пирамида,
ты заново её построй!

Володя постоянно закалялся. Вот здесь на фотографии он умывается снегом...

Обливался холодной водой: на даче наберёт полный бак холодной воды из скважины, и на себя, а в городских условиях – в ванной – на улицу выходить стеснялся. А в Томи купался до тех пор, пока река льдом не покроется. Пытался и меня привлечь, но у него ничего не получилось из этой затеи.

Характерная черта Володи – это добродетельное отношение ко всем людям. И всегда тут же приходил на помощь тем, кто в ней нуждался. Это проявилось ещё в детстве: ну, например, те же случаи с курицей, с собакой. Или вот ещё один пример, который он описывает в рассказе «Мужчина из подвала»:

«Я был тогда, кажется, девятиклассником. Отправился я в подвал нашего дома за углем – и обнаружил там мужчину, расположившегося на ночлег прямо на земляном полу. Мне стало его жаль – и я пригласил подвального обитателя к себе в квартиру (моя мать была тогда на учительских курсах в Новосибирске).

Мужчина с радостью принял моё приглашение. Было ему лет пятьдесят. Его худое лицо покрывала жёсткая щетина. На нём был синий бушлат и сапоги.

Мой гость сказал, что возвращается из длительного заключения домой, в Новосибирск. Его поезд отходит завтра днём.

Мне немного страшновато стало, но я сделал вид, что рад такому неожиданному визиту.

Я накормил Михаила (он назвался этим именем), напоил его чаем, постелил ему на нашем старом диване.

...Наутро Михаил покинул меня. Пожал ему руку и пожелал поскорей добраться до родного дома.

Ничего в нашей квартире не пропало. Но когда приехала мать, выяснилось, что бутылочка ее духов «Красная Москва» оказалась пустой.

Пока я спал, Михаил наверняка вылил содержимое флакончика себе в рот».

И здесь, в Кемерово, уже взрослый, он не отходил в сторону, если видел, что кто-то нуждается в помощи. Примеров много, это было почти ежедневно – телефон не умолкал: просили прочитать рукопись, издать написанное, кому-то негде было переночевать. Вот взять один пример с Генной Полициным. У Гены был статус «особо опасный рецидивист», всё по одной статье – искатель правды, как Ширяев отметил: «Он сидел за то, что был бунтарём по своей натуре, взрывался от малейшей несправедливости и, случалось, кулаками доказывал свою правоту». В последний раз он сидел в тюрьме города Березовский, и каким-то образом ему удалось сбежать оттуда. Появился у нас, поделился своей мечтой: бежать в Китай – иначе, мол, от него здесь не отстанут. Володя остановил его и пообещал помочь. Что и как, к кому он обращался за помощью, мне не ведомо, да я особо и не вникала. Но ведь получилось: Гену отпустили, и он уехал к родной матери на родину – в Горный Алтай. И они стали переписываться. В своё время Гена написал повесть «Незаметный возраст», но так как постоянного места жительства у него не было, он её затерял. Володя в каждом письме писал ему, чтобы Гена восстановил эту повесть. И что вы думаете – восстановил! Володе как-то удалось протолкнуть её в журнал «Огни Кузбасса». И в 1998 году эту повесть издали. Но Гены уже не было в живых.

Предисловие к повести:

„Если со мной что случится...“

Из Горно-Алтайского села Вичное пришла печальная весть: скоропостижно скончался наш товарищ, талантливый прозаик Геннадий Поляцин. Ему было всего около сорока лет.

Еще живя родителями Гена воспитывался в детском доме на карбатовской станции Тутальская. Устроившись воспитателем против жестокого директора детского дома, он очутился в исправительно-трудовой колонии для малолетних. Довелось ему познакомиться и познакомиться с лагерем.

Не хотелось бы приукрашивать действительность, которую пережил Геннадий «освободившись» борясь с прогнившей лагерной системой, но и «рабочниковская» его жизнь была не легкой. Он сидел за то, что был враждебен по своей натуре, возмущался от несправедливости и, наконец, красноречиво доказал свою правоту.

Но в последние годы своей жизни Гена, кажется, перестал бороться с «капиталистической» профессурой. В Горном Алтае он, наконец, отыскал свою мать и братьев.

работал на лесном участке, много писал. Но поддержать в работе собственную книгу ему так и не удалось. Главная причина: если раньше мешала цензура, то сейчас автор, как правило, должен найти средства на издание своей книги. Этого Поляцину отыскать не удалось.

Геннадий не раз писал мне: «Если со мной что случится, то похлопайте, пожалуйста, о моих рукописках». Пусть это обидит его. Прибавляю к этому выводу повесть Геннадия Поляцина «Неизвестный возраст» — тридцать, на мой взгляд, очень хороших повестей.

Может быть, после опубликования этой повести в журнале оживятся найдутся наконец люди, которые отыщут средства для издания коллективного сборника произведений Геннадия Поляцина? (Маленькую его книжечку уже удалось выпустить в Кемеровской книжной издательстве «Земля и вода»).

В обширном архиве Геннадия есть очень интересные вещи.

Владимир ШИРЯЕВ

И в память о Гене Володя издал отдельную книжку, куда вошли несколько рассказов, статей, сказка, басня, стихи. Своих денег у него не было, поэтому пришлось обратиться к друзьям, бесконечные звонки – и, наконец, удалось собрать необходимую сумму. Книжка вышла, и Володя объявил благодарность всем, кто не остался в стороне.

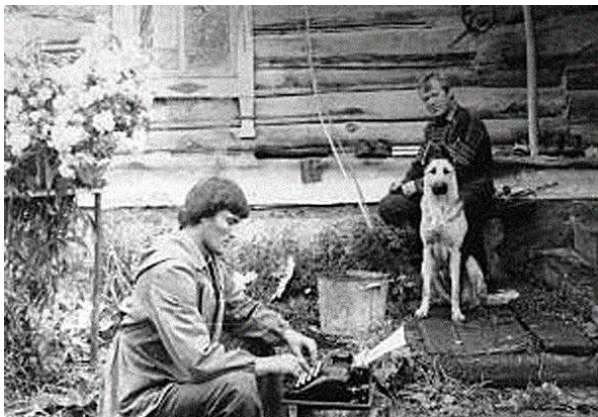
Выражаю благодарность тем, кто помог мне в издании этой книги:

- Апалихину Александру Валерьевичу, главному специалисту ПКФ «Зарекс»;
- Бурмистрову Борису Васильевичу, председателю Союза писателей Кузбасса;
- Ефименко Игорю Анатольевичу, преподавателю истории;
- Жаркову Виктору Ивановичу, судье;
- Иванову Владимиру Васильевичу, писателю;
- Допушкову Вячеславу Михайловичу, инженеру;
- Марченко Сергею Григорьевичу, подполковнику милиции;
- Полыньину Василию Ильичу;
- Радвилко Сергею Сергеевичу, директору школы;
- Чекалдиной Раисе Максимовне, инженеру.

Сожалеем, о том, что многие, хорошо знавшие Гена при жизни, остались глухи к просьбам увековечить его память.

Владимир Ширяев

250 экземпляров книги передали в библиотеки Кемеровских домов-интернатов.

На фотографии – Гена у нас на даче в Усть-Стрелина, пока был в бегах. Жил там, пока не решился вопрос о помиловании. Ещё на фотографии – Володя с собакой пачечника, который их и фотографировал.

Была у меня в гостях Валентина – сестра Володи. И я у неё расспросила про детство Володи, она старше его и многое помнит. Спросила, почему Володя учился на заочном отделении? Я-то думала, что оттого, что после смерти отца (Володе было двенадцать лет) Августе Степановне было тяжело в материальном отношении. Оказалось, не в этом причина. У Володи был друг детства Толя Тупицын, они учились в одном классе. После окончания школы уехали поступать в Томский университет на филфак на дневное отделение. Экзамены сдали, но по конкурсу прошёл только Володя. Так Володя отдал своё место другу (как это ему удалось, я не знаю – скорее всего, ходил к ректору), а сам перевёлся на заочное отделение. Толя – инвалид, и ему было бы тяжело работать и учиться.

Володя работал во многих газетах Кемеровской и Томской областей. Состоял в коммунистической партии. Вот что он об этом писал:

«Да, долгое время я придерживался коммунистических убеждений. Ведь в противном случае я бы попросту не смог работать в газете. Сознательно врать каждый день я бы не смог. А проработал я в газете больше двадцати лет.

В коммунистическую идею я верил искренне. Недостатки наши видел, не думая, что взамен нашего, во многом бездушного коммунизма, возможен «коммунизм с человеческим лицом».

Эта вера зачастую мешала жить. Все мои товарищи давным-давно стали антисоветчиками, и я был среди них «белой вороной». Они насмехались надо мной, подкалывали, и я был вынужден отчитываться перед ними за злодеяния Сталина и Берии».

Недавно прочитала в сети Фейсбук, как ребята из Дома литераторов делились впечатлениями о поездке по городам Кузбасса в рамках литературного форума «Золотая осень в Кузбассе». Так они с горечью отмечали, что поэты не знают творчества собратьев по перу, т. е., кроме себя, любимых, никого не хотят знать. Это печально. И я вспоминаю Ширяева, какой он был. Стоило только прочитать первую строчку стихотворения – он сразу же говорил, кто автор, – независимо, автор – классик или современник. Читал он много, интересовался, поэтому и знал. Частенько навещал книжный магазин, и если появлялась новая книга стихов кого-то, то обязательно покупал и не по одному экземпляру. Потом дарил.

Вот что о Ширяеве написал писатель из Дубны Виктор Лихачёв – всё письмо здесь я приводить не буду, кому интересно – можно прочитать в книге «Расскажу без прикрас...»:

«В кабинет отдела прозы редакции журнала «Наш современник» он не вошёл – ворвался. За окнами лила слёзы жалкая московская зима, а этот человек в меховой шапке, какой-то весь громкий, весёлый, словно принёс дыхание сибирской вьюги. Уж больно он контрастировал с тихими, похожими на банковских клерков сотрудниками журнала.

– Вы случайно не из Сибири? – в шутку спросил я, когда нас познакомили с ним.

Он искренне удивился: – Точно. Из Кемерово. – Затем он на секунду задумался, будто что-то вспоминая. – Лихачёв, Лихачёв... “Молитесь за меня”, подборка рассказов в десятом номере, случайно, не ваша?

– Случайно моя.

И – новый взрыв эмоций. Не скрою, приятный для меня, тогда начинающего автора, но я, не привыкший к такому проявлению чувств в Москве, смотрел на него недоверчиво. Но нет, на ученика Карнеги Владимир Ширяев (а это был он) вроде не походил.

15 минут продолжалась та наша встреча. Большие, увы, встретиться нам не пришлось. Зато началась переписка. И с каждым новым письмом, с каждой очередной подаренной мне книжкой – своей ли или своих друзей – передо мной открывался удивительный русский человек. Я писал ему больше о себе, о своих новых публикациях, пеших странствиях по России, он же – об удивительной и так любимой им деревне Усть-Стрелине, где Владимир жил, спасаясь от городской суеты, об общественной и политической жизни в стране и в Кузбассе, о друзьях-поэтах. Рассказывая о них, не скупился на эпитеты: незаурядный, талантливый, яркий. Своего друга Виталия Крекова иначе как гениальным не назвал. Именно через Владимира, благодаря ему, я познакомился со многими талантами сибирской земли. До сих пор бережно храню все присланные им номера “Горицвета”.

Пятнадцати минут очного знакомства хватило, чтобы понять, какой это щедрый, добрый и искренний человек. Четырёх лет переписки достало, чтобы узнать, каким Владимир Ширяев был глубоким и мудрым той неброской мудростью, которая отличает редких людей, стремящихся не казаться, не слыть, а быть. Мне нравились его стихи, но и прозаиком он был от Бога – с ярко выраженной индивидуальностью, с умением подчинить себе слово. Мне нравилось всё, что делал Ширяев, поскольку написанное Владимиром находило отклик в моём сердце. А это – убеждён – самое главное – достучаться до чужого сердца,

максимально открыв своё. Другой вопрос – сколько оно выдержит, сердце писателя?

Я благодарен судьбе, которая свела нас на необъятных дорогах жизни. Это счастье – встретить в мире родственную душу».

КОРНИ ПОЭТА ВЛАДИМИРА ШИРЯЕВА

Хотелось бы написать о корнях Владимира Ширяева. Ведь многое, что есть в нас, – это от родителей, дедушек, бабушек. Здесь предоставим слово Татьяне Леонидовне Ширяеве – двоюродной сестре Михаила Васильевича – отец Владимира. И она же двоюродная сестра матери драматурга Александра Вампилова, это уже по линии ее матери. Володя постоянно с ней переписывался. Жила она в Екатеринбурге. В повести «Искушающие взоры» из книги «Расскажу без прикрас...» он много строк посвятил ей. (Частично я буду добавлять из дневников.)

Итак, письмо от Татьяны Леонидовны 1997 года:

«Володя, попытаюсь выполнить твою просьбу – напишу о твоём прадеде и его семействе.

Твой прадед Ширяев Фёдор Павлович и его жена, урождённая Молчанова Мария Егоровна имели в уездном городке Белом Тверской губернии небольшой дом и огород. Принадлежали к сословию мещан, жили мелочной торговлей. Фёдор Павло-

вич брал у богатых купцов, братьев Гладышевых, продукты и продавал их мелкими дозами.

Мать семейства рано умерла, когда младший из сыновей, Леонид, ещё не вышел из дошкольного возраста.

Фёдор Павлович трижды был погорельцем. Дом был деревянный и часто выгорал весьма значительными «порциями». И каждый раз богатые братья Гладышевы приходили на выручку, давали Фёдору Павловичу товар в ссуду без залога, говоря о том, что знают добропорядочность его. Вот тебе и «жёсткая конкуренция», и «поглощение мелкого капитала крупным».

Когда Фёдор Павлович оказался погорельцем в третий раз, он отказался от помощи. Сказал, что его дети уже встали на ноги, а ему самому много не надо.

Вырастили они пятерых детей:

1. *Ширяева Александра Фёдоровна (в замужестве Пляшкевич).*

Александра вышла замуж за священника отца Иоанна и уехала к нему в село Шиловичи. У них было одиннадцать детей. Пляшкевичей много в Калининградской области, есть в С.-Петербурге, одна ветвь – в Усть-Каменогорске.

2. *Ширяева Мария Фёдоровна (в замужестве Смирнова).*

У Смирновых был один сын Сергей (Мария Фёдоровна рассталась с мужем, когда сын был ещё маленьким), основавший «династию» на Дальнем Востоке. У него было три сына, много внуков, есть и правнуки. Младший сын с «потомством» остался на Дальнем Востоке, средний живёт в Читинской области, старший – в Днепрпетровске.

3. *Ширяев Василий Фёдорович – твой дед.*

Твой будущий дед Василий Фёдорович Ширяев женился на Серафиме Михайловне Зыковой. Она была дочерью архиерея. Полюбив простого приказчика, сбежала к нему из дома. Отец проклял её. А потом простил. Тем более приказчик этот вскоре открыл лавку, а потом стал владельцем нескольких магазинов, стал состоятельным человеком.

Василий Фёдорович был депутатом Государственной думы.

(Вот что об этом писал Володя: “Мне как-то странно представить, что мой родной дед заседал в царской думе и был делегатом того знаменитого учредительного собрания, которому было сказано устами матроса Железняка, что “Караул устал и надо расходиться”.)

Дед заседал в той думе, которая была разогнана большевиками.

Все, кто знал деда, говорят, что это был прямо-таки золотой человек и очень образованный. Добрым был. И невероятно трудоспособным. У отца была вырезка из “Вечернего Новосибирска” (Ширяевы бросили всё и переехали жить к дочери Галине в Новосибирск. – *Прим. Р. Ч.²*), где довольно-довольно большая статья о Василии Фёдоровиче Ширяеве, занимавшем какой-то большой пост в областной потребительской кооперации.

**Василий Фёдорович – дедушка Володи –
и бабушка Серафима Михайловна**

У твоего деда Василия Фёдоровича и бабушки Серафимы Михайловны Ширяевых было десять детей, но пятеро из них умерло в раннем детстве. Остались: Галина, Михаил, Зинаида, Андрей и Семён. Сейчас в живых никого нет. Последним – в прошлом году (в 1995 году) – умер младший из них – твой дядя Семён.

Фамилия Ширяевы была хорошо известна в городе (г. Белый Тверской области) и даже в уезде. Славилась честностью и добрыми делами, которые никогда не афишировались.

Когда я в свои студенческие годы должна была добираться от станции Нелидово до Белого (пятьдесят вёрст), я подходила к первому же попавшемуся извозчику и говорила: “Я – Ширяева, довезите меня до дому, у меня денег нет, но вам родители заплатят”. Отказа ни разу не было.

В год “Великого перелома” твой дед был арестован и посажен в местную тюрьму. Времена ещё стояли патриархальные, сталинская эпоха в глуши ещё не сильно чувствовалась. Мы с Зиной (твоей родной тёткой) часто прохаживались перед окнами тюрьмы, через часовых передавали Василию Фёдоровичу цветы и записки.

Потом Василия Фёдоровича отпустили, но ненадолго... Вскоре к Василию Фёдоровичу пришли, описали дом и всё имущество и посадили снова в тюрьму.

Самым драматическим эпизодом при конфискации были слёзы Андрея (ему было лет десять), – когда забрали заработанные им (служкой в церкви) полтинники.

А дальше началась жизнь глухая и тяжёлая. Я бы дорого отдала, чтобы вычеркнуть из памяти годы 1929 и 1930.

Его дочь Галина всегда тяготела к искусству – поэзии, театру. По её словам, она играла в городе Белом в любительском театре. Училась в женской гимназии у самого Василия Розанова. Хотела стать актрисой, жила в Москве, вращалась в богемной среде и была знакома с Есениным. Уехала в Новосибирск с Сергеем Сахаровым (из новых, пришедших к власти). Потом разошлась с Сергеем и вышла замуж за Александра Ивановича Козлова, двоюродного брата знаменитого Михаила Андреевича Сулова. Козлова, я думаю, ты знаешь. (У Володи есть ироническое стихотворение на эту тему “Мой дядя Сулов”. – *Прим. Р. Ч.*). У них родились четверо детей: Владимир, Ирина, Лидия, Николай. Все дети были талантливые, образованные. Владимир в 35 лет защитил докторскую диссертацию. Дочь Лидия после окончания МГУ работала в НЭТИ, защитила диссертацию. Сын Коля умер накануне защиты своей диссертации

² Раиса Чекалдина.

по биологии. Дочь Ирина уехала в Грецию. Зять Галины Брагинский был главным хор-мейстером новосибирской консерватории.

Твой отец тоже уехал из города до этих событий. Его отъезд был как-то засекречен, и я до сих пор не знаю, как протекала его жизнь, каким образом он стал преподавателем литературы и т. д. (От Володи я знаю, что отец учился в литературном институте имени Брюсова, но из-за того, что он скрыл буржуазное происхождение, его исключили. – Прим. Р. Ч.)

1926 год. В этом году Михаил окончил среднюю школу и поступил в литературный институт имени Брюсова

1936 год. Михаил студент Астраханского института

(Из дневника Михаила Васильевича я выяснила, что после того, как его выгнали из института, он уехал в Новосибирск к сестре Галине в 1928 году. В бирже труда, куда он стал на учёт, ему предложили работу в п. Михайловское секретарём сельского совета. Поработав там некоторое время, уехал в Самару. Вот что он пишет об этом:

«И в Самаре, куда я переселился из Новосибирска, меня ожидала неинтересная канцелярская работа. На неё я смотрел как на неприятный, но неизбежный способ добычи куска хлеба.

Точно такая же ситуация сложилась и в Астрахани во время моей “научной” работы во ВНИРО.

Учёба в рыботехникуме – стремление хоть чем-нибудь занять свой мозг, чтобы меньше думать о голоде и о своей беспросветной судьбе.

Я с огромной энергией добросовестно изучал теоретическую механику, высшую математику и прочие дисциплины. И с какой радостью я выбросил бы из головы весь этот ненужный для меня груз! Ведь у меня никогда не было и мысли стать “работником рыбной промышленности!” В те страшные годы дороже всего была “путинная карточка”, обладание которой давало возможность получать ежедневно 800 г хлеба и кое-какие продукты. На другой работе я получал бы 200 или 100–50 г, что значило умереть с голода.

Наступают новые времена. В корне изменяется классово-политическая обстановка в стране. “Дамоклов меч”, висевший над моей головой, безболезненно снимается и сдаётся в утиль-сырьё. Я становлюсь равноправным гражданином великой Советской страны».

Я всё думала: «Как же удалось Михаилу Васильевичу поступить и закончить Астраханский институт, как допустили?» А оказалось, что обстановка в стране изменилась... – Прим. Р. Ч.)

По словам Семёна, самой доброй и умной из семьи была Зина. Зина рано вышла замуж, но неудачно. Вырастила сына Евгения и дочь Татьяну. Работала контролёром

по цветным металлам, а вечером преподавала в вечерней школе.

Сын Андрей. Его звали «ровесником революции», так как родился в день разгона царской Государственной думы. Закончил медицинский институт, стал военным врачом. Получил звание подполковника. Женится на дочери писателя Гинцеля. У Андрея и Анны Ширяевых родились два сына: Олег и Сергей. Олег – врач. Сергей поступил в пединститут на филфак. Написал дипломную работу о творчестве своего деда Петра Гинцеля. Защитил диссертацию по психологии. Работал заместителем директора НИИ. Ушёл из жизни очень рано.

Сын Семён (1923–1995 гг.) учился в Новокузнецком металлургическом институте. Со студенческой скамьи ушёл на фронт. Прошёл всю войну, пробыл в армии ещё лет десять в звании майора. Демобилизовавшись, переехал в Новосибирск в 1957 году. Стал работать снабженцем в только что открывшемся НИИ у академика Дубинина. Со своей женой Марией познакомился на фронте, она была медсестрой. У них родилась дочь Галина и сын Юрий.

4. Ширяев Александр Фёдорович.

Александр умер в тюрьме от туберкулёза (он был эсером).

5. Ширяев Леонид Фёдорович – мой отец. Родился в марте 1888 года в г. Белом.

Учился в педагогическом училище и в начале века окончил учительские курсы в Поречье Бельского уезда Смоленской области. Сначала был помощником учителя в селе Казулино.

В 1912 году на учительских курсах в городе Белом встретились Варвара Африкановна Медведева и Леонид Фёдорович Ширяев – мои родители. В 1914 году они поженились и были направлены в земскую школу деревни Репино Николо-Ветлицкой волости Бельского уезда. Имели троих детей, двое умерли в детстве. (Дочь Татьяна родилась 1 января 1916 года в д. Репино. – Прим. Р. Ч.)

25 января 1938 года отец был арестован, уведен из дома без возврата. Мы с мамой неоднократно писали, чтобы узнать что-то о судьбе отца. В 1956 году мы с матерью получили в ответ на запрос справку о посмертной реабилитации отца и похоронное свидетельство, в котором было указано, что отец умер в 1942 году от инфаркта миокарда.

В 1988 году я опять обратилась в органы госбезопасности. И получила второе свидетельство о смерти отца, где было указано, что он был расстрелян 29 марта 1938 года и что ему было предъявлено обвинение в троцкизме и участие в эсеровском мятеже (в 1919 году, когда он был в 50 верстах от Белого...). Как могли предъявлять ему столь абсурдное обвинение?!»

Раиса Чекалдина, наследница библиотеки, дневников и писем Михаила и Владимира Ширяевых

ВЛАДИМИР
КОЛАБУХИН 16+

ТАЙНА
пансионата «Уют»

По программе «Новые имена современной литературы»

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/2134/desc/tajna-pansionata-ujut